

Ночь была долгой и одинокой, казалось, ей не будет конца.

Мир погрузился в хаос, словно яйцо, которое еще не раскололось. Цзи Фаньинь ощупью пробиралась сквозь тьму.

— Странник морской говорит об Инчжоу, в дымных волнах не найти его след, люди из Юэ вспоминают гору Тяньму, то в облаках она меркнет, то вдруг предстает пред очами... — раздался старческий, но мощный голос.

— Кто? Кто здесь?

Сердце Цзи Фаньинь пропустило удар. Она огляделась, и внезапно на востоке вспыхнул огонь.

Оранжево-красное призрачное сияние пробилось сквозь облака и солнце, осветив ее нежную, словно у младенца, кожу. На лице промелькнула растерянность, но тут же исчезла.

Цзи Фаньинь пошла на свет, но внезапно оступилась, и ее легкое тело, подобно перышку, полетело вниз.

Свистящий ветер ворвался за воротник, пронизывая до костей. Она вдруг нежно улыбнулась и медленно закрыла глаза.

В этот миг крепкие, сильные руки подхватили ее за талию, и небо снова озарилось вспышкой.

Цзи Фаньинь вздрогнула, скосила взгляд и увидела мужчину. Он стоял спиной к свету, его фигура была мощной, как горный хребет, а в черных, как бездонные метеориты, глазах она словно утонула, добровольно падая в тяжелый черный омут.

Его черты лица, очерченные тенью, казались искусно высеченными из камня.

Цзи Фаньинь не удержалась и протянула руку, коснувшись его лица, а по щекам покатились слезы.

— Заждалась?

Низкий, глубокий голос звучал так, будто он вернулся из долгого странствия через тысячи гор и рек.

Цзи Фаньинь часто задышала, вцепилась в его крепкую шею и прижалась так сильно, будто нашла потерянное сокровище.

Ночной дождь барабанил по каменным плитам, тяжелые капли разбивались, разлетаясь мириадами брызг, которые падали на увядающие цветы.

Прогремел гром, ветер усилился.

На хрупкие плечи девушки легла парчовая накидка, и раздался звонкий голос Хун Сяо:

— Барышня, вы же слабы здоровьем, нельзя вам на ветру стоять.

Слаба?

Цзи Фаньинь скосила прекрасные глаза. Ее кожа при свете свечи казалась такой нежной, что

ее можно было повредить одним прикосновением.

В бронзовом зеркале отразились длинные, как водопад, черные волосы. Брови, подобные дымке, чуть хмурились.

Закутанная в ярко-алый плащ фигура была такой тонкой, что казалось, будто она вот-вот упадет от дуновения ветра.

— Довольно, идем спать.

Хун Сяо закрыла резное сандаловое окно.

Цзи Фаньинь легла на постель, укрывшись одеялом с вышитыми лотосами до самых ключиц. Она пошевелила тонкими пальцами:

— Хун Сяо, иди отдыхай, сегодня ночью дежурить не нужно.

Свеча погасла.

Хун Сяо слегка поджала губы, помедлила, но все же поклонилась и вышла.

Цзи Фаньинь догадывалась, о чем та беспокоится.

Вскоре со всех сторон донеслись глубокие, тягучие звуки флейты. В них словно была заключена магия, успокаивающая сердце.

Цзи Фаньинь улыбнулась. Впервые услышав звуки белой нефритовой флейты в такую погоду, она почувствовала, как что-то внутри нее отозвалось на эту мелодию, и, не слушая ничьих уговоров, упорно искала источник звука.

Она искала его всю ночь, а в итоге слегла с болезнью на целый месяц. Не могла есть, постоянно кашляла.

Весь дом из-за нее жил в тревоге.

Выздоровев, она успокоилась.

Может, это был просто случайный звук из какой-нибудь беседки, или кто-то из знати развлекался музыкой? Зачем искать смысл?

Мелкий дождь окутал все вокруг. Телохранитель Ли Цзючан в черном с мечом в руках держал зонт и, слегка склонившись, напомнил:

— Ваше Высочество, пора возвращаться.

Мужчина в роскошных одеждах и золотом венце молча убрал белую нефритовую флейту в длинный рукав.

Его глубокие, сияющие, как звезды, глаза смотрели на давно погрузившийся во тьму терем. В его взгляде читались сложные чувства.

Ночной дождь все не утихал. Две высокие фигуры растворились в ночи и исчезли.

На востоке небо посерело, забрезжил рассвет. Дождь стих, утренние лучи пробились сквозь облака. На влажной земле блестели лужи, колеса проезжающей телеги оставили глубокие следы.

Спустя два часа пути экипаж остановился у подножия горы Тяньму.

— Барышня, мы приехали.

Хун Сяо подставила деревянную скамеечку и откинула занавеску.

Сначала показались белоснежные пальцы, затем — подол белоснежного платья. Цзи Фаньинь ступила на землю, ее лицо скрывала тонкая вуаль, придавая ей загадочности.

— Благодетельница Цзи, вы проделали долгий путь, не желаете отдохнуть в келье? — монах в синем халате сложил ладони в молитвенном жесте.

— Не заставляйте Фанчжана ждать, ведите нас, мастер.

Ее голос звучал как музыка.

Дочь канцлера государства Пэнлай, Цзи Фаньинь, с шестнадцати лет каждый месяц по три дня жила в храме Бодхи, молясь за здоровье матери. Прошло уже два года, и она ни разу не нарушила эту традицию.

В величественном главном зале возвышалась золотая статуя Будды.

Раздался сухой стук бамбуковых палочек.

Цзи Фаньинь, сняв вуаль, грациозно подошла и с почтением протянула гадальную палочку.

— О чем вы просите в этот раз, благодетельница? — Фанчжан в желтой рясе улыбнулся.

— О здоровье родителей, о мире и радости.

Фанчжан пробормотал молитву, сохраняя вежливую улыбку.

Цзи Фаньинь слегка опустила голову и прошептала, словно комар:

— И еще... о любви.

Фанчжан, улыбаясь, вернул палочку:

— Все, чему суждено сбыться, придет само, когда придет время.

Цзи Фаньинь задумалась над его словами.

На следующий день погода прояснилась. Весенние цветы танцевали на ветру, их лепестки падали прямо в чашку с чаем.

Цзи Фаньинь нежно взяла лепесток персика, вдохнула аромат и улыбнулась.

Отложив книгу, она с воодушевлением позвала:

— Хун Сяо, принеси ножницы.

Лян Сесяо шел по длинному коридору, и его взгляд упал на девушку в розовом платье, которая порхала среди цветов, срезая самые свежие бутоны. Она была похожа на фею, далекую от мирской суеты.

Он неотрывно следил за каждым ее движением, но Цзи Фаньинь была так увлечена, что ничего не замечала.

Чик-чик.

Она поставила белые ландыши в фарфоровую вазу.

От долгой работы на ее лбу выступили капельки пота.

Цзи Фаньинь не успела их вытереть, продолжая заниматься цветами.

Вдруг чье-то тонкое полотенце коснулось ее лба, бережно вытирая пот.

Она подумала, что это Хун Сяо, и не придавала значения.

— Отнеси эти цветы Фанчжану и гостям, — сказала она, не оборачиваясь.

Позади было тихо, и Цзи Фаньинь удивленно обернулась.

В этот момент время словно остановилось.

Она с трудом устояла на ногах, ее глаза расширились от изумления.

Ноги словно приросли к земле, голос застрял в горле.

Прошло целую вечность, прежде чем она пришла в себя. Она невольно подняла руку, но Лян Сесяо незаметно отстранился.

— Девушка, будьте благоразумны, — холодно произнес он.

Неловкость повисла между ними.

Цзи Фаньинь справилась с волнением, опустила ресницы и слабо улыбнулась:

— Прошу прощения за свою дерзость.

Лян Сесяо молча спрятал полотенце, плотно сжав губы.

Легкий ветерок растрепал ее волосы. Лян Сесяо сдержал порыв поправить их и развернулся.

— Господин, подождите, — окликнула его Цзи Фаньинь.

Он остановился, но не обернулся:

— Что-то еще?

— Сейчас прекрасная пора для любования цветами, не желаете ли составить компанию?

Благодаря Фанчжану, все цветы росли в ее дворике.

Лян Сесяо внешне оставался невозмутимым, но внутри него бушевала буря.

Он нахмурился и бросил неоднозначный ответ:

— Посмотрим по обстоятельствам.

Поздно ночью Хун Сяо помогала госпоже одеваться. Она была удивлена: обычно равнодушная к нарядам барышня сегодня вдруг стала перебирать платья, что-то бормоча себе под нос.

— Хун Сяо, как тебе это?

Не дождавшись ответа, она сама же его отвергла:

— Слишком вычурно.

Цзи Фаньинь обессиленно села на кровать, подперев щеки руками:

— Фигура подводит...

Хун Сяо не выдержала:

— Барышня, если ваша фигура не идеальна, то остальные должны просто спрятаться от стыда!

Ее госпожа носила титул первой красавицы Пэнлая, ее красота была безупречна.

Цзи Фаньинь рассмеялась, ее улыбка была подобна лунному свету.

— Но почему вы вдруг так беспокоитесь о прическе?

Цзи Фаньинь лишь лукаво моргнула.

— Хун Сяо, посмотри, брови не слишком яркие?

— В самый раз.

— Сладости и чай готовы?

— Давно готовы.

— Тогда...

Хун Сяо усадила взволнованную госпожу:

— Сидите спокойно, я скоро вернусь.

Ей было очень любопытно, кто же этот человек, заставивший ее госпожу потерять покой.

Не успела она выйти из дворика, как увидела высокую фигуру, уверенно приближающуюся к ним.

Хун Сяо застыла, словно парализованная.

— Прощу прощения, что заставил ждать, — раздался низкий, бархатный голос.

Цзи Фаньинь поднялась навстречу, ее щеки порозовели.

— Ничего страшного.

Она предложила ему сесть и попросила Хун Сяо подать чай.

Хун Сяо была настолько погружена в свои мысли, что не услышала ее.

Цзи Фаньинь хотела позвать снова, но Лян Сесяо остановил ее:

— Позвольте мне.

— Вы разбираетесь в чайной церемонии?

— Немного.

Цзи Фаньинь заворуженно смотрела на его уверенные движения, чувствуя восхищение.

Вдруг в голове помутилось, обрывки воспоминаний пронесли перед глазами. Словно все это уже было когда-то давно.

Они сидели за одним столом, но между ними была целая вечность.

Цзи Фаньинь вздохнула, и тут его рука коснулась ее пальцев, когда он поправлял книгу. Его кожа была грубоватой, но теплой и сильной.

Ее сердце забилося, как барабан. Чтобы скрыть смущение, она посмотрела на персиковое дерево:

— Как красиво они цветут.

Она подошла к дереву, и лепестки упали на ее черные волосы.

Лян Сесяо не удержался и протянул руку, чтобы убрать лепесток. Они стояли рядом, и он заметил на ее лбу отметину в виде цветка сливы:

— Красиво.

Цзи Фаньинь коснулась отметины:

— Говорят, у императора династии Южная Сун была дочь, принцесса Шоуян. Она уснула под деревом сливы, и лепестки упали ей на лицо. Когда она проснулась, на лбу остался след от цветка, который сделал ее еще прекраснее. С тех пор придворные дамы стали подражать ей...

Лян Сесяо слушал, ничего не понимая.

В этом мире существовали только Инчжоу, Фанчжан и Пэнлай. О Южной Сун он никогда не слышал.

Неужели...

Его лицо стало серьезным.

Цзи Фаньинь не стала ничего объяснять:

— Завтра я уезжаю домой. Спасибо, что составляли мне компанию эти три дня.

Лян Сесяо сохранял спокойствие:

— Не за что, просто было с кем поговорить.

— В таком случае, могу ли я узнать ваше имя? Неудобно все время называть вас господином.

Наступила тишина. Цзи Фаньинь уже была готова сдаться, как вдруг он ответил:

— Чжунбай. Чжун — как средний из братьев, Бай — как первый свет зари.

Цзи Фаньинь просияла:

— Чжунбай, можешь звать меня Линьфу.

— Барышня, он уже ушел, — прошептала Хун Сяо.

Цзи Фаньинь смотрела ему вслед:

— Хун Сяо, ты знаешь, кто он?

Хун Сяо закусил губу, не зная, что ответить.

Цзи Фаньинь решила, что поставила ее в неловкое положение:

— Ты так долго со мной, что если я не знаю, то и ты тем более.

Она улыбнулась, погрузившись в мысли.

Чжунбай, Линьфу.

Ли Бо! Ду Фу!

Какое совпадение.

В величественной резиденции канцлера солнце клонилось к закату.

— Наконец-то вернулась.

Элегантная женщина бросилась навстречу дочери.

Цзи Фаньинь обняла мать, Вэй Сянжу:

— Я же просила не встречать меня у ворот. Вы же больны, простудитесь — и мне, и отцу будет больно.

Вэй Сянжу щелкнула дочь по носу:

— А я ведь отговаривала тебя ехать в храм, а ты все равно поехала.

Мать и дочь рассмеялись.

Дочь ехала тысячи ли молиться за мать, а мать, несмотря на болезнь, вышла встречать дочь.

Это и есть настоящая любовь.

— Было что-то интересное?

— Ничего особенного, но кое-что приятное было.

— Расскажешь?

Цзи Фаньинь улыбнулась, но промолчала.

Вэй Сянжу притворно вздохнула:

— Дочери восемнадцать, а матери уже ничего не рассказывает...

Цзи Фаньинь рассмеялась и показала ей гадальную палочку:

— Когда придет время, я все расскажу!

Вэй Сянжу с любовью погладила ее по лицу.

— Отец еще не вернулся? — спросила Цзи Фаньинь.

— Да, час назад прислали весть, чтобы мы не ждали его и ужинали без него. Король оставил его обсуждать важные дела...

Эту тему они решили не развивать. Дела двора — не женское дело.

В это время в величественном императорском дворце горели огни.

— Цзыци.

Из глубины залы раздался густой голос.

Цзи Цзиньань поклонился:

— Есть еще указания, Ваше Величество?

Свет падал на лицо Лян Дицзюня. Несмотря на седину, его взгляд оставался острым.

— Мы же звали тебя Цзыци, зачем снова Ваше Величество?

Цзи Цзиньань расслабился:

— Дицзюнь.

Лян Дицзюнь рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Как супруга и дочь?

— Все хорошо.

— Скоро праздник Дуанью, мы приедем к вам. Не будешь в обиде?

Цзи Цзиньань улыбнулся:

— Что вы, гость — это радость. Боюсь лишь, как бы мы не приняли вас недостаточно достойно.

Лян Дицзюнь приподнял бровь:

— Слышал, Фаньинь выучила новый танец, а Сеюнь уже не терпит посоревноваться с сестрой...

Цзи Цзиньань задумался и ответил:

— Фаньинь давно не видела принца и принцесс, будет хорошо, если они пообщаются.

Лян Дицзюнь остался доволен.

<http://bllate.org/book/25721/3075294>